

Судьба пленных солдат и офицеров Великой Армии в России после Бородинского сраженияⁱ

В истории Русской кампании 1812 г. до сих пор, несмотря на огромное количество исследований и публикаций, осталась одна существенная лакуна — судьба пленных и разбежавшихся в октябре-декабре 1812 г., на пути к Смоленску и Березине, солдат и офицеров Великой Армии.

Советские историки либо считали эту проблему несуществующей — известный советский военный историк генерал Павел Жилин писал, что из 650 тыс. армии Наполеона в России погибло 641 тыс. — Березину успело перейти якобы всего 9 тыс. человекⁱⁱ, либо значительно преуменьшали количество наполеоновских пленныхⁱⁱⁱ. Даже в современной англо-американской литературе общая численность потерь Великой Армии (правда, с оговорками «включая пленных») восходит к цифре 570 тыс. из 600-тысячной Великой Армии^{iv}.

На самом деле за Березину успела уйти гвардия, а также два корпуса — Удино и Виктора — вместе с остатками кавалерии Нея — всего не менее 50—57 тыс. человек.

Молодые российские историки начали активно отходить от этого ура-патриотического тезиса своих «мэтров» о том, что «война 12-го года закончилась за полным истреблением неприятеля». Как и оказалось, «истребили» далеко не всех неприятельских солдат и офицеров. Этот факт становится особенно очевидным, когда знакомишься с докладами и сообщениями молодых музейных и архивных работников, опубликованных в 1995—1999 гг. в материалах научных конференций Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника (интересные статьи аспиранта Самарского госпедуниверситета К. В. Иванова^v), Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 года (серия публикаций архивиста из г. Калуги Виталия Бессонова^{vi}) и Музея-панорамы «Бородинская битва» в Москве^{vii}.

Большую путаницу в подсчеты погибших и пленных вносили споры — кого из них считать «французами»? Известно, что вторгнувшаяся в Россию Великая Армия была многонациональной. Известный специалист по наполеоновской эпохе Жак Годшо вообще считал, что Великая армия на 50% состояла из нефранцузов — 350 тыс. из 700^{viii}. Два моих аспиранта — грузин Константин Бочаришвили и русский Алексей Васильев — специально занимались национальным составом Великой армии в России, подтвердив выводы Ж. Годшо. Поэтому ниже, рассказывая о пленных и разбежавшихся солдатах и офицерах Великой Армии, я буду говорить о *наполеоновских солдатах и офицерах*, уточняя их национальность лишь тогда, когда она подтверждается документами.

Наиболее точные цифры о пленных, как это ни странно, приводятся в документах Кутузова царю и в его не полностью опубликованных письмах (более 400) к своей жене, хотя обычно победители склонны преувеличивать свои победы. Так, в отчете Александру I о сражении при Березине (с 23 ноября по 2 декабря) Кутузов писал, что противник потерял 50 тыс. чел., но из них 25 тыс. — пленные. 28 декабря 1812 г. Кутузов писал жене, что Наполеон «оставил нам, по крайней мере, 150 тыс. пленных и 850 пушек». Русский главнокомандующий не случайно оговаривается — «по крайней мере». К официально зарегистрированным пленным, обычно размещавшимся в лагерях в Ярославле, Костроме, Калуге, Саратове, Вологде, Орле, Туле и на Урале (Пермская и Вятская губернии), следует добавить тех, кто отстал при отступлении Великой Армии к Березине и разбрелся по русским деревням и дворянским поместьям, ища защиты от холода и голода. Еще в прошлом веке в русский крестьянский разговорный язык вошло прозвище «шерамыжник» (от франц. *cher ami* — так измученные солдаты обращались к крестьянам, просясь на ночлег и умоляя дать им немного еды), ставшее затем нарицательным: «шерамыжник» — попрошайка, никчемный человек.

Первоначально о количестве таких «шерамыжников» не знали ни военные, ни гражданские власти. Иначе они не стали бы помещать с января 1813 г. в русских губернских газетах объявления на французском и немецком языках с призывом собираться в местах сбора пленных — в их официальных лагерях.

Русские власти, однако, были озабочены не только судьбой так называемых «организованных» пленных (т. е. находившихся в лагерях для военнопленных), но еще больше судьбой «диких». Еще до появления полужамерзших толп «шерамыжников» в октябре — декабре, в русской армии (особенно, среди казаков, обычно конвоировавших пленных в тыл) возник

своеобразный «бизнес» — физически здоровых пленных продавали либо богатым крестьянам (солдат), либо мелким помещикам (офицеров).

Не всех пленных русские партизаны отправляли в тыл — у них для этого не было ни вооруженного конвоя, ни средств передвижения. Поэтому партизаны нередко распределяли пленных по крестьянским дворам как работников-рабов^{ix}. Вскоре гнавшие пленных в тыл казаки тоже стали делать на «живом товаре» свой бизнес. Будущий декабрист и участник войны Никита Муравьев так передавал в своих мемуарах слова одного из таких покупателей: «Пленные вздорожали, к ним приступа нет, господа казачество прежде продавали их по полтине, а теперь по рублю просят»^x. Для сравнения укажем, что хорошую корову тогда можно было купить за 55 коп., а, например, пригласить гувернера-француза — за фантастическую по тем временам сумму — одна тысяча руб. А тут тысячи «гувернеров» бредут под конвоем «господ казаков» в тыл по цене рубль за штуку (июль — октябрь), либо вообще сами просятся в теплые усадьбы (ноябрь — декабрь, «шерамыжники»).

Не следует забывать, что французский язык в России с середины XVIII в. стал обязательной нормой русской дворянской культуры. Сделать приличную военную или гражданскую карьеру без хорошего разговорного французского языка к началу XIX в. было уже невозможно. Однако нанять приличного гувернера-француза (напомню — 1 тыс. руб. в год) или отправить своего опрыска в Петербург или в Москву в хорошую гимназию подавляющему большинству мелкопоместных дворян (одна—две деревеньки с 12—17 человек крепостных — 80% из 100 тыс. помещиков в 1812 г.) было явно не по карману. И вдруг — не было бы счастья, да несчастье помогло: Наполеон вторгся в Россию. А вскоре либо собственные крепостные-партизаны начали приводить в поместья «бесплатных гувернеров», либо их можно было купить всего за рубль у конвойных-казаков. Про «шерамыжников» в ноябре — декабре и говорить не приходилось: за тепло и пищу они толпавились в усадьбу, готовые учить кого угодно и чему угодно.

Воспитанник одного из таких «гувернеров» будущий известный русский экономист Юрий Арнольд, из дворян Могилевской губернии (Белоруссия) позднее вспоминал: «Редкий был тогда дворянский дом, в котором не встречалось бы пленного француза: иметь у себя "своего" француза — это установилось тогда само собой для каждого "порядочного дома". И у нас, следовательно, оказался "свой" француз»^{xi}. «Своим» французом для маленького Арнольда стал барабанщик одного из французских полков Великой Армии Грожан, один из ветеранов - гроньяров. Начав рядовым еще в республиканской армии в 1792 г., барабанщик прошел все этапы наполеоновской военной эпопеи: египетский поход (попал в плен к англичанам, освобожден по Амьенскому миру 1802 г.), русско-французская война 1806—1807 гг., австрийская кампания 1809 г., русский поход 1812 г.

С хорошими манерами, к ужасу мамы 8-летнего мальчика, Грожан был знаком весьма поверхностно — мог есть руками, резать мясо штык-тесаком, вытирал сальные пальцы о штаны. Да и литературным французским языком сей «гувернер» владел весьма относительно: как и большинство наполеоновских солдат, он говорил на «арго» (некоей смеси французского разговорного с немецкими, итальянскими, испанскими, польскими словами), да еще обильно сдабривал свою речь солеными солдатскими шуточками. Позднее, попав в благородный пансион для дворянских детей в Москве, Арнольд долго переучивался с этого солдатского «арго» на нормальный французский литературный язык.

Но тогда, в конце 1812 и в 1813 г. такой «дядька» был для мальчишки-барчука настоящей находкой. С утра до вечера барабанщик рассказывал бесчисленные военные байки, учил плавать, ставить палатку, разжигать костер и, особенно, выбивать на игрушечном барабане воинские команды: «Слушай все!», «В атаку!», «Отбой!» и др. И таких «дядек» и «теток» (а среди «шерамыжников» оказались и немало женщин — вдовы погибших офицеров, бывшие маркитантки и т. д.) было немало.

Однако для истории русской кампании 1812 г. во Франции и Европе остались воспоминания не этих «дядек» и «теток» из «шерамыжников», на несколько лет или навсегда оставшихся в России (а их, как мы увидим ниже, было более 200 тыс., или треть Великой армии) и не их новых русских хозяев-помещиков или лагерных начальников, а как раз мемуары тех из 50 тыс., которым удалось вырваться в ноябре — декабре из «русского ада». Сами не побывав в плену в России, эти мемуаристы с чужих слов красочно описывали ужасы русских «концлагерей». Показателен здесь «Военно-стратегический Журнал за 1812, 1813, 1814 и 1815 гг.» барона Бориса Уксюлля, вышедший в середине XIX в. на французском, немецком и русском языках^{xii}. Этот «дневник», где вперемежку с описанием военного похода в Россию даются мимолетные любовные утехы барона, почему-то до сих пор считается на Западе серьезным мемуарным источником. Настолько серьезным,

что даже академик Жан Тюлар в своем «Наполеоне» (рус. пер. 1996 г.) ссылается на мемуары барона-фантазера как на достоверный исторический источник.

Барон же, прослышав где-то, что казачки продают пленных по два рубля за штуку (у декабриста Никиты Муравьева, как мы видели, всего по одному рублю!), уже от себя сочиняет: покупают мужики пленных не для работы, а «чтобы сварить их в котле или посадить на кол». И эту чушь «свидетеля», увы, повторяет маситый академик Тюлар. Конечно, солдатам и офицерам наполеоновской армии, вторгнувшимся в Россию и затем попавшим в плен, не приходилось ожидать теплого приема от мужиков и казаков (такое же отношение к захватчикам было и в Египте, и в Испании). Ясно, что уцелевшие и вернувшиеся, в конце концов, на родину военнопленные не очень лестно отзывались о тех, кто их пленил. Это, в частности, хорошо показал современный французский историк - наполеоновед Фернан Бокур, анализируя в русском издании^{xiii} мемуары одного из таких пленных — лейтенанта Родольфа Вьейо^{xiv}.

Судя по расследованию, которое в 1813-1814, 1826—1829 и 1830—1837 гг. проводили царские власти^{xv}, вопрос о военнопленных — бывших солдатах и офицерах Великой Армии, в первой половине XIX в. вырос в крупную военную, социальную и политическую проблему. Если верить этим досье, представляющим главным образом рапорты генерал-губернаторов России в министерство полиции или III отделение из западных (от Смоленска до Гродно), а также волжских (Ярославль, Нижний Новгород, Саратов) и уральских (Пермь, Вятка) губерний, общее число оказавшихся *на 1 января 1813 г. пленных составляло треть численности Великой Армии, или более 216 тыс.*: из них *140—150 тыс.* «организованных» (в лагерях) и *50—60 тыс.* «неорганизованных» («шерамыжников»). По тем временам — это две полноценные армии по 100 тыс. чел. или население одной из столиц Российской империи (Москвы или Петербурга — по 200 тыс. человек в каждой).

Учитывая, что в результате войн начала XIX в., эпидемий и голода и без того немногочисленное население страны-континента в 1813 г. сократилось на 3 млн., с 38 до 35 млн. человек, а регулярная армия и ополчение — еще около 3 млн. — отправились из России в заграничный поход в Европу добивать Наполеона, то наличие в тылу огромной по тем временам массы обученных военному делу мужчин рассматривалось царскими властями как *большая социальная и военная угроза*.

А сигналы о *социальном недовольстве* военнопленных стали поступать уже весной 1813 г. — на казенных (государственных) Гороблагодатских железоделательных заводах купцов Демидовых на Урале пленные подняли бунт, не вынеся рабских условий труда, плохой пищи и побоев. Особенно напугал администрацию отнюдь не «тильзитский союз» пленных с русскими крепостными на заводах, что возродило старые страхи о «санколотях, скачущих и бегающих по длинным улицам московским» (князь Петр Вяземский) и не только по ним. Стали поступать и другие тревожные сведения: не все помещики покупали пленных за рубль в качестве «гувернеров» — некоторые стали записывать их в свои крепостные (как правило, это были итальянцы, испанцы, немцы, поляки, хорваты). Об этом царские власти стали узнавать из писем самих «шерамыжников», которые по распоряжению министра полиции Сергея Вязьмитинова начали перехватывать на почтах на основе специального указа Александра I о введении «особой цензуры» на письма военнопленных^{xvi}.

К 100-летию юбилею войны 1812 года часть таких писем по Витебской губернии (их задерживали на почте, вскрывали и более никуда не отправляли) была опубликована в России на французском, немецком, русском и других языках^{xvii}.

Отгалкиваясь от этой публикации, я решил проследить судьбу шести авторов писем из числа «шерамыжников», оказавшихся в работниках у богатых мужиков в Белоруссии. Судя по их письмам на французском языке в русский официоз «Сonferyaieиг Iтpаllаl», история этих пленных такова. Отработав на хозяев зиму, весну и лето 1813 г., они по осени двинулись домой — такая практика также имела место, и царские власти сквозь пальцы смотрели на такой «самоход». По дороге надо было как-то питаться, и солдаты нанимались на поденщину в попутные хозяйства крестьян и помещиков. В Гродненской губернии, уже у границ России, они нанялись на временную работу к управляющему имением графа Бориса Комаровского. «Временная» затянулась на целых три года — посулами и угрозами управляющий держал таких толковых мастеровых (каменщик, плотник, кузнец, слесарь) у себя, а в 1816 г. записал их в крепостные графа. Лишь благодаря вмешательству «Conservateur Impartial» этим «крепостным» удалось в мае 1824 г. (через 12 лет после войны!) получить

свободу, паспорта и отбыть по домам^{xviii}.

В политике официальных русских властей к проблеме пленных отчетливо видны два похода — чисто *военный* и *гражданско-экономический*. Военный состоял в попытке сформировать в 1812—1813 гг. из бывших солдат и офицеров Великой Армии *антинаполеоновские легионы*. Раньше всех это удалось сделать с немцами. Еще в июле 1812 г. отказались подчиняться французскому командованию два баварских кавалерийских полка из дивизии Патруно — они предпочли сдаться в плен русским. За ними последовали и некоторые баварские пехотные части. Из дезертировавших и пленных немцев русские власти начали спешно создавать так называемый Русско-Германский легион (к апрелю 1813 г. он насчитывал 4254 человек), который принял участие в кампании 1813 г. в Германии.

Активная вербовка в так называемый Александровский полк (в честь императора Александра I) велась и среди пленных испанцев и португальцев: 30 июня 1813 г. этот полк в составе 3738 солдат и офицеров на семи английских судах был отправлен из Риги в Испанию — для войны против французских войск. Была даже предпринята попытка сформировать из пленных франко-итальянский 10-тысячный легион в Орле (правда, в основном это были «французы» из новых департаментов, т. е. голландцы, бельгийцы, швейцарцы, даже хорваты), но массовой записи в него не последовало.

Но само *военное* решение — создание легионов — не решало проблемы пленных: даже два уже сформированных легиона — немецкий и испано-португальский, включили всего 7-8 тыс. пленных. А что делать с остальными 192 тыс.?

И тогда в недрах царской бюрократии родился *гражданско-экономический* проект — предложить военнопленным поселиться в России — временно или навсегда — как *иностранным колонистам*.

Традиция приглашать иностранных колонистов в Россию повелась с Екатерины II, особенно после окончательного присоединения Южной Украины и Крыма (1783 г.) к России.

Екатерина вообще провозглашала в Европе, что Южная Россия по берегам Черного и Азовского морей — это «новая Америка», только гораздо ближе к Европе. Переселялись в конце XVIII — начале XIX в. в основном религиозные диссиденты — православные греки, болгары, сербы, молдаване или протестанты — немцы, швейцарцы, чехи. Но за 30 лет активного призыва к переселению, преимущественно, аграрного населения, приехало менее 100 тыс.^{xix}. А тут за какие-то полгода в России оказалось более 200 тыс. потенциальных колонов. И весной 1813 г. министр торговли и промышленности Иосиф Козодавлев, крупный администратор и протекционист, издатель первой русской торгово-промышленной газеты «Северная почта» (1809—1819), со страниц которой он постоянно ратовал за привлечение в русскую промышленность иностранных мастеров, предлагает царю провести среди наполеоновских пленных вербовку, предложив им работу на заводах, фабриках и мануфактурах. Для того чтобы придать всему этому достаточно массовому мероприятию юридический характер, предполагалось принимать на основе старого указа 1804 г. во «временное» или «постоянное» подданство царя (технически это означало, что военнопленный обязан был подписать соответствующую присягу, составленную по-французски или по-немецки с переводом на русский язык).

Александр I в принципе одобрил этот проект, но внес в свой указ от 16 июля 1813 г. важное политическое уточнение: солдаты (нижние чины) принимались в подданство через министерство торговли и промышленности, а вот офицеры — только через министерство полиции^{xx}. Иными словами, экономика — это хорошо, но политическая благонадежность — еще важнее. Как мы увидим ниже, при Николае I в 1826—1840 гг. благонадежность бывших пленных будет играть определяющую роль. И уже в циркуляре министра полиции Вязьмитинова от 31 августа 1813 г., сопровождавшем указ царя, упор делался на благонадежность — допускать к присяге не всех, «с наблюдением, однако же, осторожностей, дабы сим не могли воспользоваться иногда люди, вредные или подозрительные».

Определять «вредных» да «подозрительных» на глазок было трудно, поэтому полицейские власти на местах на всякий случай отказывали в приеме в подданство поголовно, особенно пленным офицерам. Что касается солдат, то здесь была другая напасть. Хотя Вязьмитинов особое внимание просил обращать на «мастеровых» — спецов по мануфактурному или рудному делу для казенных заводов, полицмейстеры больше были озабочены благонадежностью (т. е. надзором за пленными), нежели их профессией, и допускали к присяге покорных, а не строптивых. Поэтому в свободном выборе места жительства им отказывали, норовили поселить в деревне, а не в городе ит. д. Вязьмитинов вынужден был напомнить местным властям в очередном циркуляре от 9 декабря 1813 г., что «прием в подданство надлежит учинять токмо добровольно, равно как и выбор местожительства».

Несовершенство правил приема по указу 16 июля 1813 г. побудили Козодавлева дополнить его специальными «Правилами приема» военнопленных в подданство России, которые в ноябре 1813 г. были утверждены Комитетом министров и опубликованы в январе 1814 г. на русском (Санкт-Петербургские сенатские ведомости, 19/29 января 1814), немецком (St-Peterburgische Senats-Zritung, 29. I. 1814) и французском (Conservateur Impartial, № 7, 23 janvier – 4 février 1814) языках. В основу «Правил» был положен все тот же указ Александра I 1804 г. о правах иностранных колонистов в России и собственный проект 1811 г. Козодавлева — «Положение об учреждении особого состояния свободных мастеров» — первая попытка отменить крепостное право в русской промышленности^{xxi}. Из указа 1804 г. в «Правилах» были включены екатерининские принципы приема колонистов: личная свобода, свобода вероисповедания, освобождение от рекрутской повинности навечно и от налогов (на 10 лет), право заключать трудовой контракт и решать трудовые споры с хозяином при арбитраже местных административных властей.

Трудовой контракт рабочего и хозяина был тогда неведом в России, и в 1804 г. это понятие было включено в указ Александра I только для иностранцев, причем за модель были взяты контракты Первой империи (образцы их специально прислал из Парижа поверенный в делах России Петр Убри). В «Правилах» право индивидуального контракта распространялось только на «мастеровых» — рабочих и ремесленников, и только при условии, что они добровольно поедут на ту мануфактуру, завод или фабрику (как правило, это было на Урале), которые им укажут в контракте.

На избравших в качестве рода деятельности ремесло (ателье), торговлю или фермерство правило контракта не распространялось. Были и общие ограничения по географии расселения: в военно-стратегических регионах (Польше, Прибалтике, Финляндии, Бессарабии, Белостокской и Гарнопольской губерниях), а также в обеих столицах — Петербурге и Москве — селиться запрещалось. Кстати, эти ограничения останутся в силе весь XIX в. — иностранцев, даже инвесторов, в «стратегические регионы» допускать царские власти не будут. Но в отношении обеих столиц ограничения не очень соблюдались, и многие «шерамыжники» переберутся позднее в Москву.

В двухмесячный срок военнопленные, пожелавшие вступить во временное (от 2 до 10 лет) или вечное подданство, обязаны были избрать «состояние» (état): дворянин, мещанин (во французском переводе «Правил» — la classe bourgeoise) или крестьянин. «Правила» явно поощряли выбор профессии «мастерового» и «крестьянина». Они имели и право контракта (мастеровые), и льготные освобождение на 10 лет от налогов (мастеровые, крестьяне-фермеры). Ремесленники — портные, сапожники, парикмахеры и т. д. — таких преимуществ не имели, хотя и могли создавать «свое дело».

По новым «Правилам» раньше всех начали принимать в подданство царя пленных солдат на уральских заводах, прежде всего, там где были бунты — Гороблагодатских и Боткинских. К середине 1814 г., судя по досье «Дело о французах, проживающих в России» в РГИА, не менее 60 тыс. пленных успело принять русское подданство. Однако, большинство предпочитало записываться во «временное подданство», не оставляя надежду когда-нибудь вернуться домой.

И такая возможность вскоре представилась. Судьба пленных Великой армии и на этот раз оказалась связана с «большой политикой». 31 марта 1814 г. союзные войска вошли в Париж — до первого отречения Наполеона оставалось всего две недели. Зная о больших потерях Франции в войнах, Александр I решил сделать широкий жест примирения. Выступая 2 апреля 1814 г. перед Сенатом, который объявил о лишении Наполеона трона, царь заявил: я воевал с Наполеоном, а нес Францией. «Я друг французского народа И чтобы доказать этот длительный союз с вашей нацией, я возвращая ей всех французских пленных, находящихся в России»^{xxii}

Государственная машина России заработала в обратную сторону. Вязьмитинов в мае 1814 г. рассылает губернаторам новый циркуляр, содержащий новое постановление Комитета министров: «Пленным французам, объявившим желание вступить в подданство России после повеления императора об отправлении их в Отечество, *отказаться* и к присяге на подданство *не допускать*»^{xxiii}.

Бурбоны также были заинтересованы в скорейшей репатриации: в стране явно не хватало мужских рабочих рук, и, кроме того, они считали, что брошенные Наполеоном в России солдаты и офицеры станут их политической опорой против бонапартистов. Уже в мае 1814 г. в Петербург прибыл барон Морен, «королевский комиссар по ускорению отправки во Францию военнопленных, находящихся в Российской империи».

Как оповестить о конце войны и возможности вернуться домой?

Королевский комиссар при помощи Вязьмитинова вновь прибег к посредничеству газет — с июня 1814 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» (на французском и немецком языках) и в «*Conservateur Impartial*» стали публиковаться объявления: война окончена, желающие могут вернуться домой, сборный пункт в г. Риге, русские местные власти обязаны обеспечить проезд и прокорм. На объявление откликнулись те, кто сумел прочесть или услышать об этом, в том числе и «дядька» маленького барчука Арнольда тамбурист Грожан.

К сентябрю 1814 г. первая партия репатриантов числом в 2 тыс. человек собралась в Риге и вскоре на французских транспортных судах была отправлена в Гавр.

Однако, к удивлению королевского комиссара Морена, массовый репатриации пленников почему-то не последовало. Конечно, при тогдашних средствах информации многие «щерамыжники» в медвежьих углах не только не знали о репатриации, но и не ведали об окончании войны. Но немало было и таких, кто, давно порвав с родиной, не имея ни семьи, ни детей, проведя почти всю сознательную жизнь в походах и на бивуаках, уже не хотели никуда уезжать. Иные пленные успели жениться и даже завести детей. Характерный документ — рапорт гражданского губернатора Новгорода министру полиции Вязьмитинову, который последний цитирует в своем очередном циркуляре от 5/17 августа 1814 г. другим губернаторам России — я обнаружил в досье «Дело о французах, проживающих в России»: «Из проходящих через Новгородскую губернию в Ригу партий военнопленных, возвращающихся в свое отечество, некоторые объявляют желание, а другие отстают от партии для того единственно, чтобы присягнуть на верность России»^{xxiv}.

Конечно, большинство пленников и офицеров Великой Армии предпочли вернуться по домам — во Францию, Германию, Италию, Голландию, Далмацию. Но, судя по рапортам гражданских губернаторов, было немало и тех, кто решил остаться в России.

Большую путаницу в репатриацию внесли «сто дней» — на сборных пунктах в Риге, Ревеле, Петербурге, Одессе пленным вновь стали предлагать вступить в подданство царя и остаться в России. Характерный случай произошел в Риге на сборном пункте с солдатом *Жаном Арьесом* из Льежа: «Взят в плен в ноябре 1812 г., в 1813 г. принял присягу на "временное подданство", избрал местом жительства Нижний Новгород, в 1814 г. пожелал репатрироваться, но во время "ста дней" поддался на уговоры администрации сборного пункта и 20 мая 1814 г. подписал присягу на "вечное подданство"»^{xxv}.

Вернувшись в августе 1814 г. в Россию, Александр I в вопросе возвращения военнопленных оказался в сложном положении. С одной стороны, перед Сенатом Франции он торжественно обещал «вернуть ее сыновей».

С другой стороны, в газетах Англии и Германии появились статьи, что Россия насильно удерживает у себя пленников как «дешевую рабскую силу».

Официоз МИД России вынужден был в августе 1814 г. опубликовать официальные сведения — в лагерях России, Англии, Австрии и Пруссии на июль 14-го года находится всего 160 тыс. военнопленных разных национальностей^{xxvi}.

Царь, как всегда, колебался — и слово, данное публично с трибуны Сената, держать надо, но и выгонять насильно тех, кто уезжать не намерен — не хочется: где еще найдешь столько квалифицированных рабочих рук?

В итоге 17/29 августа 1814 г. появился компромиссный указ: «Объявить волю мою кому следует, чтобы взятые в течение минувшей войны пленные всех наций, присягнувшие на подданство России, из коих некоторые записаны уже и по избранию рода деятельности, дана была полная свобода возвратиться, буде пожелают (!), в свои отечества»^{xxvii}.

«Буде пожелают» оставляло лазейку — можно уехать, а можно и остаться, благо «Правила» 1813 г. царь не отменил. Судя по тому, что и в 1815—1816 гг. эмиссары Бурбонов продолжали публиковать призывы срочно возвращаться на родину^{xxviii}, число не вернувшихся пленников все еще было значительным — вряд ли Людовик XVIII стал бы ломать копыя ради нескольких сот «щерамыжников». Более того, в архиве Комитета министров мне удалось обнаружить доказательство, что и после указа Александра I от 17/29 августа 1814 г. о возвращении «сынов Франции» прием в подданство на основе «Правил» 1813 г. продолжался.

27 января 1816 г. в Комитет министров обратились три бывших пехотинца Великой армии — Венсан, Камбре и Луи, проживавшие как «временные подданные» в Ярославле. Они просили приписать их к сословию свободных крестьян, выделить землю на Алтае и

помочь за казенный счет добраться до нового местожительства. Просьбу активно поддержал Козодавлев. Солдатам выделили крупную субсидию (по 350 руб. на каждого), освободили от налогов на 10 лет и отправили как колонистов-поселенцев на Алтай. 27 мая 1817 г. сибирский гражданский губернатор сообщил Козодавлеву, что «три помянутых военнопленных француза водворились уже в Бийском уезде Алтайского края, приняли православие и занимаются хлебопашеством»^{xxxix}.

И уже совершенно фантастична история наполеоновских солдат — пленных на Урале, в Оренбургской губернии, где с XVII в. размещалось так называемой Яицкое (Уральское) казачество (на границе Руси и Казахстана). Сначала в Оренбург летом 1812 г. стали прибывать целые партии депортированных на Урал французов, давно живших в России и сосланных по подозрению в «шпионаже». Среди них оказался даже профессор Московского университета Годфруа, пытавшийся бежать через Среднюю Азию в Персию и Турцию и далее — во Францию^{xxx}. Кстати, попытки бежать предпринимали из Оренбурга и пленные солдаты и офицеры Великой Армии, но, как правило, они вновь попадали в плен, на этот раз к кочевникам, а те продавали их бухарцам, персам или туркам в рабство (в 1820 г. одного такого раба — офицера Морелье, русские власти обнаружили в Бухарском эмирате)^{xxxi}.

Как и в других местах, с 1813 г. пленные записывались в «вечное подданство» России. Оренбургский краевед Петр Юдин еще в конце прошлого века разыскал 48 потомков воинов «великой армии Наполеона», предки которых, приняв русское подданство, записались в сословие казаков — Антуан Берг, Шарль-Жозеф Бушей, Жак-Пьер Биньелон и др. Правда, постепенно их дети и внуки переделывали французские фамилии на русских лад — из Жана Жандра его сын превратился в Ивана Жандрова и т. д.^{xxxii}

Известный автор «Толкового словаря великорусского языка» Владимир Даль, побывав в 1833 г. на Урале, лично встретил такого француза-казака: «Его взяли наши казаки в плен в 1812 году, завезли сюда, на Урал, он обжился, женился, да в казаки и приписался — вот вам и французский казак Charles Bertu!»^{xxxiii}

И действительно — уезжали же в XVI—XVII вв. французы в Квебек, осваивали новые земли — и ничего. Хотя от Ярославля до Алтая на лошадях ехать в три раза дольше, чем на парусном корабле из Гавра до устья св. Лаврентия.

Не всем в мелкопоместном дворянском обществе нравились такие последствия Отечественной войны. Многие ворчали: «Просветителями этой эпохи сделались бессмысленные остатки от разбитой наполеоновской армии, когда пленных французов разбирали нарасхват и вверяли им своих детей, — брюзжал один такой консервативный русский современник. — Кухарки, прачки, сапожники и портные начали просвещать русских в разводимых ими пансионах Эта несчастная эпоха продолжалась недолго, до 1820 г., но она оставила гибельные последствия на целое столетие»^{xxxiv}.

Что верно — то верно: на целое столетие «гувернеры» из «шерамыжников» оставили в душах барчуков неизгладимый след о Бонапарте и его эпохе. Одним из них стал великий русский поэт Михаил Лермонтов, у которого в детстве был «свой француз» — капитан гвардии Капе, раненым попавший в плен. Капитан сумел привить будущему поэту глубокое уважение к Наполеону, хотя Лермонтов остался самым патриотическим поэтом России — чего стоит одно только его стихотворение «Бородино» (1837), Но он же первым в русской поэзии откликнулся на перенесение праха Наполеона с острова св. Елены в Париж в Дом Инвалидов 15 декабря 1840 г. (стихотворение «Последнее новоселье», 1841). Лермонтов навсегда остался самым «бонапартистским» поэтом в России, как Дмитрий Мережковский — в прозе (см. его «Наполеона», 1929 г.).

Судьбу рядовых «шерамыжников», оставшихся в России, можно проследить по материалам полицейских проверок, которые дважды, в 1826-1829 гг. и в 1830-1837 гг. проводило III отделение собственной его императорского величества канцелярии по личному приказу Николая I. Толчком к таким проверкам стали два события — восстание декабристов в 1825 г. и очередная революция во Франции в 1830 г. Особенно сильное воздействие на Николая I оказала революция 1830 г. во Франции. Рассказывают, что получив известие из Парижа царь буквально ворвался на бал кавалергардов, взмахом руки остановил оркестр и почти заорал: «Господа! Седлайте коней — в Париже снова революция!»

До Парижа тогда дойти не удалось: на пути восстали поляки, и русская армия на два года увязла в осаде польской столицы Варшавы. Но ужесточить полицейские меры в своей империи царь все же успел. Прежде всего он попытался закрыть «окно в Европу», ужесточив паспортный режим и условия выезда дворян и их детей за границу. В 1831 г.

выходит указ Николая!: дворянские недоросли с 10 до 18 лет обязаны обучаться «токмо в Отечестве» — нарушение запрета лишает их права на военную и гражданскую службу. Резко сократились сроки действия загранпаспортов: для дворян до пяти лет, для других сословий — до трех лет. Задержка за границей дольше указанного в паспорте срока каралась как государственная измена.

В 1851 г. сроки пребывания за границей были еще раз урезаны — для дворян до двух лет, для прочих — до одного года. Более того, и эти «краткосрочные паспорта» выдавались не сразу, а лишь после **троекратной** публикации в газетах объявления, что имярек намерен отбыть за рубеж (по типу публикаций в советское время о разводах). Формальным объяснением таких «самодоносов» было требование властей извещать о своем отъезде кредиторов (при получении загранпаспорта отъезжающий обязан был представить справку, что долгов в Отечестве не оставляет). Кроме того, отъезжающий обязан был внести в казну огромную пошлину — по 250 руб. за каждые шесть месяцев пребывания за границей, или одну тысячу рублей за два года. Только очень состоятельные люди были в состоянии тогда осилить такой грабительский царский налог.

Здесь следует сделать одно пояснение. Война 1812 года вызвала к жизни в русском дворянском обществе два типа патриотизма — «западнический» и «славянофильский». Декабристы, участники Отечественной войны 1812 года, были в основном «западниками». Ранние же «славянофилы» вроде Сергея Глинки с его журналом «Русский вестник» были поборниками так называемого «квасного патриотизма» и во всех вредных влияниях на Россию винили «Робеспьера на коне» и «французского Пугачева» — Бонапарта, а вслед за ним — и французов вообще как потенциальных санкюлотов. Официальная версия бунта декабристов — «дурное влияние» заграничного похода русской армии в 1813—1814 гг., особенно — посещения Франции. Ведь еще в 1814 г. реакционеры в военном ведомстве и при царском дворе предлагали устроить на границе Российской империи грандиозный обыск возвращавшихся на Родину победителей: формально — чтобы выявить фальшивые русские ассигнации, фактически — чтобы отобрать у русских офицеров запрещенные, главным образом французские, книги. Тогда, при Александре I, эта операция сорвалась, но в 1826 г. Николай I фактически начал ее снова — с гонений на все французское и французов.

«Антифранцузскую» программу задолго до восстания декабристов, еще в 1816 г., изложил известный русский реакционер-масон Осип Поздеев (1742—1820), которого Лев Толстой в своей эпопее «Война и мир» обозвал «русским де Мэстром». Своему духовному собрату князю Андрею Разумовскому, бывшему послу России в Вене и явному франкофобу, ставшему министром просвещения, Поздеев писал в 1816 г. следующее: «А шалуны-то из дворян, путешествующие, проматывая родительские деньги в иностранных землях, хвалят, что там хорошо, там законы хороши, и давай новые сочинять. Ныне и в полках, думаю, раскольников весьма размножилось. Сочиняют! Вот Людовику и сочинили гильотину»^{xxxv}

Поздеева, конечно, мало волновала Франция. А вот живущие в России французы — весьма и весьма. Как бы они не научили русских людей пользоваться гильотиной: «Ведь наши мужики не тише могут катать человеческими головами, как и французы в Париже. Внутренняя война везде страшнее и опаснее внешней»^{xxxvi}

Идея «дворян-шалунов», набравшихся «дурных влияний» во время заграничного похода в Европу, легла в основу официальной версии Николая I о причинах восстания декабристов. А подсказка Поздеева о французах, живущих в России и тайком обучающих русских мужиков искусством владеть ножом гильотины, на полную катушку была использована николаевскими жандармами.

Сразу после суда, казни пяти декабристов и ссылке остальных в Сибирь или на Кавказ, началась тотальная проверка «благонадежности» всех французов, живших в России. Характерно, что проверяли как «белых» (роялистов), так и «красных» (бывших наполеоновских солдат и офицеров) французов. И тогда в королевское посольство Франции в Петербурге посыпались жалобы от «шерамыжников» — просим срочно отправить нас обратно на родину, во Францию. В фонде тогдашнего посольства Франции в Петербурге (АВПРИ, ф. 440, д. 32, л. 248) автор данной публикации обнаружил десятки таких прошений. Вот два из них, взятые наугад.

Жан-Батист Оже, родом из департамента Юра, 48 лет, бывший капрал 8-го полка, попал в плен в 1813 г. Прошение подано в посольство 15 ноября 1826 г. Удовлетворено (любопытно, что в 1840 г. капрал снова вернулся в Россию, где и прожил до самой смерти).

Жозеф Кренъон, родом из Орлеана, взят в плен в 1812 г., попал в лагерь для военнопленных в Костроме, там вступил в «вечное подданство» России, женился на русской, находился «в услужении у костромского немца-врача Баулера». Прощение подано в 1829 г. Удовлетворено. Отбыл вместе с женой и детьми во Францию.

Всего, судя по материалам посольства Франции в Петербурге, в 1826—1829 гг. были вынуждены вернуться во Францию более 300 «шерамыжников», подавляющее большинство с женами и детьми.

Очередную, еще более строгую проверку всех живущих в России французов царь учинил с 1830 г., попутно запретив въезд в Россию на постоянное жительство вообще всех иностранцев — гувернеров, портных, кондитеров и т. д.^{xxxvii}

Эта самая длительная, семилетняя жандармская проверка (1830—1837 гг.) была наиболее тщательной, и ее результаты отражены в тех самых досье «Дело о французах, проживающих в России», о которых я уже неоднократно упоминал.

Для историка сегодня материалы этого «дела» бесценны потому, что через 25 лет после войны 1812 г. они дают наиболее полную статистическую картину о проживавших в России иностранцах, подавляющее большинство которых составляли «шерамыжники» или их дети.

Больше всех бывших солдат и офицеров Великой армии на 1 марта 1836 г. проживало в Москве и Московской губернии — на 3229 иностранцев их оказалось более 2,5 тыс.

Любопытны данные о социальном положении «шерамыжников» — большинство из них стало ремесленниками, рабочими и мастерами на казенных мануфактурах и фабриках, а некоторые — и владельцами собственных частных мастерских (более 700 человек — льготы из «Правил» 1813 г. дали свои плоды). Следующей категорией стали гувернеры и слуги (камердинеры) — 654 человек; на третьем месте находились торговцы — как владельцы лавок, так и их приказчики-продавцы (213 человек).

Жандармская статистика не очень четко определяет, кто из этих иностранцев «природные» французы, кто немцы или итальянцы и т. д., но что 2.500 переписанных остались после кампании 1812 г. — это николаевская жандармерия отметила.

Очень любопытны сведения о «шерамыжниках», осевших в других губерниях России. Например, в этом «деле» лежит рапорт воронежского генерал-губернатора в III Отделение от 15 сентября 1836 г. Губернатор обнаружил всего одного «шерамыжника» во вверенной ему царем губернии:

Журдан Карл (Шарль) Иванович, родился в 1793 г. во Франции, подпоручик пехотного полка, взят в плен 28 августа 1813 г. в Германии, принял присягу «на вечное подданство России» в лагере военнопленных в Курске 28 апреля 1816 г., принял православие, жена Наталья — «природная россиянка», в 1836 г. имел четверых детей, служил чиновником 8 класса в губернском управлении.

Но все рекорды долгожительства в России побил «последний ветеран Великой армии» (так называлась написанная по-французски брошюра главы французской общины Петербурга Леона Кастигона, напечатанная в северной столице в 1895 г.) *Жан-Батист Савен* (1769-1894), ровесник Наполеона Бонапарта, проживший в волжских городах — в Ярославле и Саратове 125 лет! Родившийся в семье полковника королевской гвардии, охранявшем резиденцию Людовика XVI в Версале, Савен младший, имевший склонность к рисованию, записывается в Academie des Beaux Arts и становится учеником знаменитого Луи Давида. Революционный террор уносит его отца и мать — они гибнут на гильотине. Сам Савен спасается тем, что поступает добровольцем в армию — он становится гусаром 2-го полка.

Судьбе было угодно включить Савена сначала в египетский поход Бонапарта, затем он сражается под Аустерлицем, Иеной, в Испании и, наконец, скачет в составе Великой армии на Москву. По-видимому, Савен лично знал Наполеон. Во всяком случае, именно ему поручил император командовать охраной таинственного «золотого конвоя (обоза)», в котором находились золотые драгоценности Кремля на 4 млн. золотых наполеондоров.

Однако в суматохе переправы через Березину у деревни Студенки тяжелый «золотой обоз» и артиллерия аррьергарда маршала Виктора ворвались на мост одновременно — он не выдержал и рухнул: пушки, золото, кони и люди оказались в воде. Савену удалось спастись, но выбрался он не на «французский», а на «русский» берег Березины, уже занятый казаками атамана Платова. И именно Платов спас Савена от казачьей расправы — его не зарубили, не «сварили в котле», не продали за рубль русским помещикам, а отправили в лагерь для военнопленных в Ярославль (из записи беседы с Савеном известного историка войны 1812 г. К. А. Военского, опубликованной в саратовской газете «Новое время» 28 мая/9 июня 1894 г.). В Ярославле Савен вступает в «вечное

подданство» России, принимает православие (по одним сведениям при крещении становится *Михаилом*, по другим — *Николаем*) и затем отправляется вниз по Волге, в Саратов, где оседает на всю оставшуюся жизнь.

Вначале он зарабатывает на жизнь преподаванием в местной гимназии французского языка в местной гимназии (там среди его учеников со временем окажется юный Николай Чернышевский, будущий писатель и революционер) и фехтования. Одновременно Савен преподаёт французский детям саратовского губернатора А. Д. Панчулидзева и пользуется его личным покровительством. При его поддержке Савен пишет историю города Саратова, для чего совершенствует свой русский язык, изучая одновременно татарский и арабский, роется в архивах и даже производит в городе археологические раскопки (труд Савена выходит отдельной книгой где-то между 1822—1830 гг.).

В полицейских проверках III отделения 1830—1837 гг. его имя упоминается как уже совершенно обрусевшего ветерана — Михаил Николай Андреевич *Савин*, владелец художественной мастерской, где обучаются молодые саратовские художники А. С. Годин, А. М. Фролов и другие (как никак старый солдат — ученик Давида!). Даже внешне Савин мало походит на француза — у него густая белая борода, крупные черты лица, и к 1874 г., когда в возрасте более ста лет он уходит на покой, многие местные жители принимают его больше за татарина, чем за француза.

Савен покупает маленький домик на окраине Саратова, и там проводит остаток своей жизни. Его похороны в 1894 г. стали событием общегородского масштаба: в них приняли участие местный губернатор, командующий военным округом, саратовский голова. На могиле был установлен памятник с надписью на русском и французском языках — «Последнему ветерану Великой Армии»^{xxxviii}.

Увы, как сообщает московский историк Герман Колоярский, один из современных исследователей судьбы Савена-Савина, ныне нет ни домика ветерана на улице Гороховой, ни кладбища с памятником — все снесено, и на месте этого бывшего пригорода высятся дома нового микрорайона Саратова. Хотя Колоярский пока еще не теряет надежды найти какие-то документы и картины, оставшиеся от последнего ветерана.

В целом же судьба последних солдат Наполеона, как показывает полицейская перепись III отделения, свидетельствует, что планы Козодавлева направить остающихся на постоянное жительство в России пленных Великой армии в экономику и культуру оправдались — через 25 лет после войны большинство из них все же работало в промышленно-торговой сфере или в образовании.

В первой половине XIX в. такой иммиграции больше уже не повториться — когда в начале 40-х годов Николай I ослабил запрет на въезд иностранцев в Россию, в нее снова устремились гувернантки, шляпницы, портнихи, парикмахеры, повара и т. п.^{xxxix} И не потомками ли этих «шерамыжников», на вечные времена оставшихся в России, являются те русские люди, которые и сегодня носят чисто французские фамилии — Grillet, Savary, Sallier, Hadault, Simon, Souvaguard, Bertu?

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Сокращенный вариант гл. VII книги автора данной публикации «НаполеониРоссия». М.: ОЛМА — Пресс, 2000 (в печати).

ⁱⁱ Жилин П. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 305.

ⁱⁱⁱ Бескровный Л. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 602—603.

^{iv} Philip J. Haythornthwaite. The Russian Campaign: a Reputation damaged // Napoleon. The Final Verdict, 1996. P. 132.

^v Иванов К. В. Система финансирования военнопленных 1812—1814 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы науч. конф. 1995—1996 гг. Бородино, 1997. С. 198-207; *Он же*. Французы-казаки // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара, 1997. С. 91-95.

^{vi} Бессонов В. А. Военнопленные в Калуге, декабрь 1812 г. // Этап Отечественной войны 1812 г.: Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец, 1997; *Он же*. Потери Великой армии в 1812 г. на пограничных кордонах Калужской губернии // От Москвы до Парижа, 1812-1814 гг. Малоярославец, 1998.

- vii Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы науч. конф., 24 апреля 1998. М., 1999 (доклады В. М. Безотосного, М. К. Чинякова, Н. А. Соколовой, А. Л. Монахова и др.).
- viii *Godechot J. Les institutions de la France sous la Revolution et l'Empire*. P., 1968. P. 608.
- ix *Грачев В.* Письмо французского офицера из Смоленска в 1812 г. Смоленск, 1911.
- x Цит. по: *Сироткин В.* Отечественная война 1812 года. М., 1988. С. 236.
- xi Рус. архив. 1891. № 7. С. 328.
- xii Одно из последних изданий см.: *Uxkull B. Armeen und Amouren // Eit Tagebuch aus Napoleonischer Zeit. Hambourg, 1965.*
- xiii *Бокур Ф.* Пленные великой армии Наполеона в России в 1812—1814 гг. // 185 лет Отечественной войны 1812 г. С. 48-53.
- xiv *Vieillot R. Souvenir d'un prisonnier en Russie. Luneray, 1996.*
- xv РГИА, ф. 1286 — «Дело о французах, проживающих в России, 1813 — 1837». — более 300 дел, первый источниковедческий анализ этих документов был сделан мной еще в 1974 г. — см.: *Вопр. истории. 1974. № 3.*
- xvi Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. V. С. 129.
- xvii Переписка военнопленных Великой Армии. Витебск 1910. Т. 1.
- xviii РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1289.
- xix *Дружинина Е.* Южная Украина в 1800-1825. М., 1970.
- xx Внешняя политика России XIX — начала XX в. (далее ВПР). Т. VII. С. 303.
- xxi *Туган-Барановский М.* Русская фабрика. М., 1934. С. 132.
- xxii *Moniteur Universel. 1814. 3 avr.*
- xxiii РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1280, л. 30.
- xxiv РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1289, л. 30.
- xxv *Sirotkine VI. Campagne de Russie: le destin des soldats de Napoleon apres la defaite // Revue l'Institut Napoleon.. 1991. № 156. P. 63.*
- xxvi *Conservateur Impartial. № 61. 31 juillet – 12 aout 1814; (цифра явно занижена. — Прим. авт.).*
- xxvii ВПР. М., 1972. Т. VIII. С. 92.
- xxviii См., например: *Conservateur Impartial. 1816. № 75. 19/31 sept.*
- xxix Цит. по: *Сироткин В.* Судьба французских солдат в России после 1812 года // *Вопр. истории. 1974. № 3. С. 135.*
- xxx *Юдин П.* Ссылные 1812 года в Оренбургском крае // *Рус. архив. 1896. С. 5-12.*
- xxxi *Матвиевский П.* Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962. С. 68-70.
- xxxii *Юдин П.* Французы-казаки // *Оренбургские губернские ведомости. 1892. № 32.*
- xxxiii Цит. по: *Иванов К.* Французы-казаки. Указ. соч. С. 35.
- xxxiv Рус. архив. 1873. № 6. С. 904.
- xxxv Цит. по: *Базанов Б.* Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 130—132.
- xxxvi Рус. архив. 1872. № 10.
- xxxvii *Орлик О.* Россия и французская революция 1830 г. М., 1968. С. 202-203.
- xxxviii *Гуро Ж.-Л.* Последний гусар Наполеона // *Независимая газ. 1994. 30 нояб.*
- xxxix *Cadot M. Immigration francaise en Russie aux annees 40 du XIX s. // Cahiers du monde russe et sovietique. 1963. № 4).*